

9(136)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

175 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
27 августа 2026 г.

КОВАЛЕВСКИЙ
МАКСИМ МАКСИМОВИЧ
1851-1916 гг.

Г. МОСКВА

РУССКИЙ УЧЁНЫЙ. ИСТОРИК. ПУБЛИЦИСТ

UNIVERSUM: ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Научный журнал

Издается ежемесячно с ноября 2013 года

Выпуск: 9(136)

Сентябрь 2026 г.

Новосибирск
2026

ББК 63+66+87

U55

Главный редактор журнала:

Попова Ирина Викторовна – д-р социол. наук.

Редакционная коллегия:

Абрамов Александр Петрович – д-р социол. наук, доц.;

Аринин Евгений Игоревич – д-р филос. наук, проф.;

Баранов Николай Алексеевич – д-р полит. наук, проф.;

Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна – д-р полит. наук, доц.;

Бессчетнова Оксана Владимировна – д-р социол. наук, доц.;

Гужавина Татьяна Анатольевна – канд. филос. наук, доц.;

Канищев Валерий Владимирович – д-р ист. наук, проф.;

Кодзоев Магомед Абдул-Мажитович – канд. полит. наук;

Мамедов Азер Агабала оглы – д-р филос. наук, доц.;

Мациевский Герман Олегович – д-р ист. наук, доц.;

Орехова Валерия Дмитриевна – канд. полит. наук, доц.;

Саввина Людмила Ивановна – канд. филос. наук, доц.;

Северина Елена Михайловна – д-р филос. наук, доц.;

Серкина Яна Игоревна – д-р социол. наук, доц.;

Фролова Юлия Сергеевна – д-р социол. наук, проф.;

Цымбал Оксана Григорьевна – канд. ист. наук, доц.

U55 Universum: общественные науки : электронный научный журнал. — № 9(136). — Новосибирск : Изд-во «Юниверсум», 2026. — 32 с. — Текст : электронный. — URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/category/9136> (дата публикации: 15.09.2026).

ISSN 2311-5327

DOI: 10.32743/UniSoc.2026.136.9

Учредитель и издатель: ООО «Юниверсум»

© ООО «Юниверсум», 2026 г.

Содержание

Статьи на русском языке

Философия

Философия и история философии

- Синтализм: от фрагментации к целостности. Путь через кризис к синтезу себя и мира 4
Солодилов Дмитрий Сергеевич

Социология

Социология культуры и духовной жизни

- Обзор теоретических и эмпирических исследований этнических стереотипов в Китае 10
Чэнь Яо

Политология и управление

Международные отношения и глобальное развитие

- Россия в Западной Африке между разрывом и неоколониальной преемственностью 18
– Сенегал как лаборатория новой модели сотрудничества
Соу Марияма

СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ФИЛОСОФИЯ

ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Статья поступила в редакцию: 16.08.2026

Статья принята к публикации: 29.08.2026

Статья опубликована: 05.09.2026

УДК 159.9+140.8

**Синтализм: от фрагментации к целостности. Путь через кризис к синтезу
себя и мира**

Солодилов Дмитрий Сергеевич

нейропсихолог, клиника Сомед

Российская Федерация, г. Москва

E-mail: elfee777@mail.ru

**Syntalism: from fragmentation to wholeness. The path through crisis to the
synthesis of self and the world**

Solodilov Dmitry Sergeevich

Neuropsychologist, Somed Clinic

Russia, Moscow

Аннотация

В научной статье подробно исследуются философские и психологические механизмы преодоления фундаментальной раздробленности человеческого бытия в рамках авторской концепции синтализма. Основной целью работы является теоретическое обоснование закономерного перехода личности от репрессивных паттернов «фальшивого Я» к холистической интеграции духа и разума через обязательное прохождение глубинного экзистенциального кризиса. Методология междисциплинарного исследования базируется на системном синтезе фундаментальных принципов классического рационализма, философской феноменологии и современного экзистенциального анализа. В тексте подробно раскрыта деструктивная природа ригидных эго-идентификаций, порождающих перманентную невротизацию современного субъекта в условиях отчуждения. Полученные результаты убедительно доказывают, что кризис пограничных и предельных состояний выступает в

Библиографическое описание: Солодилов Д.С. Синтализм: от фрагментации к целостности. Путь через кризис к синтезу себя и мира // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2026. 9(136). URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/23357>

качестве необходимого инициатического этапа, запускающего механизмы посттравматического личностного роста. Автор статьи детально обосновывает инновационный метод «незаданного вопроса» как эффективный терапевтический инструмент деконструкции жестких иерархических категоризаций ради обретения подлинной внутренней целостности и автономии. Практическая значимость исследования заключается в возможности непосредственного внедрения разработанного синталистического подхода в клиническую, консультативную и нейропсихологическую практику для комплексной реабилитации субъектов, переживших тяжелые психические травмы и когнитивные деформации.

Abstract

This scientific article explores in detail the philosophical and psychological mechanisms for overcoming the fundamental fragmentation of human existence within the author's concept of syntalism. The primary goal of the work is to theoretically substantiate the natural transition of the individual from the repressive patterns of the «false self» to the holistic integration of spirit and mind through the necessary passage through a profound existential crisis. The methodology of this interdisciplinary study is based on a systemic synthesis of the fundamental principles of classical rationalism, philosophical phenomenology, and contemporary existential analysis. The text thoroughly explores the destructive nature of rigid ego identifications that give rise to the permanent neuroticism of the modern subject in conditions of alienation. The results convincingly demonstrate that the crisis of borderline and extreme states acts as a necessary initiatory stage, triggering the mechanisms of post-traumatic personal growth. The author of this article provides a detailed justification for the innovative «unasked question» method as an effective therapeutic tool for deconstructing rigid hierarchical categorizations to achieve genuine internal integrity and autonomy. The practical significance of this study lies in the potential for the immediate implementation of the developed syntalistic approach into clinical, counseling, and neuropsychological practice for the comprehensive rehabilitation of individuals who have experienced severe mental trauma and cognitive impairment.

Ключевые слова: синтализм, фрагментация бытия, фальшивое Я, подлинное Я, экзистенциальный кризис, посттравматический рост.

Keywords: syntalism, fragmentation of existence, false Self, true Self, existential crisis, post-traumatic growth.

Введение

Современный человек вынужден существовать в расколотом пространстве смыслов и противоречивых желаний. Разумеется, эта тотальная фрагментация бытия пронизывает внутренний мир личности и проецируется на общественные отношения, порождая межличностные неврозы, расколы и конфликты. Вне всякого сомнения, внешняя раздробленность социума является прямым следствием и зеркальным отражением неосознаваемого внутреннего раскола самого субъекта, бессознательно воспроизводящего хаос в макрокосме. По-видимому, конструктивным выходом из этого цивилизационного тупика выступает синтализм — метод, рассматривающий кризис предельных состояний как

инструмент перехода от фрагментации к тотальной интеграции и всеобщему синтезу. Целью исследования является концептуализация процесса преодоления раздробленности человеческого сознания и перехода к холистической модели бытия посредством прохождения экзистенциального кризиса.

Материалы и методы

В качестве исследовательского материала используются концептуальные положения синтализма, а также классические тексты картезианского рационализма, феноменологии и экзистенциального анализа. Методологическую основу составил системный подход, позволивший рассмотреть личность как динамическую саморазвивающуюся систему, стремящуюся к обретению внутренней целостности. С этой целью автором применяется теоретическое сопоставление фундаментальных параметров фрагментированного и целостного бытия. Фрагментированное бытие характеризуется доминированием фальшивого Я-эго, цепляющегося за маски, в то время как целостное синталистическое бытие основывается на подлинном Я, интеграции опыта и восприятии внешнего поля через призму субъективной целостности. Важнейшим методом послужила феноменологическая редукция, позволяющая очистить подлинное «Я» от наносных ролей через введение инструмента «незаданного вопроса».

Результаты и обсуждение

Безусловно, главным препятствием на пути к обретению подлинного всеобщего синтеза выступает так называемое фальшивое Я-эго, которое представляет собой сумму навязанных ролей, инфантильных масок и ложных идентификаций, судорожно цепляющихся за материальные атрибуты, социальный статус и иллюзию власти. Оказывается, ставя себя на один уровень с объектами-вещами и полностью подчиняясь материальному началу, фальшивое Я неизбежно впадает в иллюзию превосходства, что является базовым источником человеческой агрессии. В рамках классического картезианского метода такое ложное цепляние за внешнее преодолевается через тотальное сомнение, ведь для обретения прочного гносеологического фундамента субъекту необходимо отсечь все наносные маски. Как справедливо отмечал основоположник философии рационализма, «Архимед, для того чтобы сдвинуть с места всю землю, требовался лишь одна прочная и незыблемая точка; точно так же и мне необходимо обнаружить хотя бы малейшее утверждение, которое было бы абсолютно достоверным и свободным от сомнений» [2, с. 112].

Синтализм, развивая эту мысль, утверждает, что фальшивое Я изначально обречено на ментальную гибель в процессе метафорического Армагеддона — очистительного огня экзистенциального кризиса, смывающего иллюзорные привязанности. Очевидно, что возникающие после крушения эгоцентрических иллюзий депрессивные состояния и посттравматический синдром (ПТСР) фиксируют состояние постапокалипсиса, наступающее сразу после того, как условное «золотое яичко» детских представлений о собственной исключительности оказывается безвозвратно разбито. Однако именно в этой травматической пустоте для личности открывается уникальный шанс развернуться к своей подлинной сути и задаться фундаментальным вопросом о том, кто же остался после потери

всех внешних атрибутов. Следовательно, кризис и психическая травма дефинируются в синестетической системе синтализма не как катастрофа, а как необходимый инициатический этап развития, обеспечивающий переход к взрослой, когнитивно интегрированной целостности. Как утверждалось в фундаментальных трудах по критической философии, «наш разум не черпает свои законы из природы, а, напротив, сам предписывает ей, упорядочивая хаос эмпирических восприятий в апперцепции всеобщего единства» [3, с. 218]. Интересно заметить, что для технологичного преодоления травматического раскола синтализм вводит ключевое понятие неоапокалипсиса, которое символизирует рождение качественно нового пространства тотального синтеза, надежды и посттравматического роста, уподобляемого метафоре созревающего зерна. Процесс синталистической инициации личности разворачивается последовательно: от первичной фрагментации субъект переходит к стадии тотального разрушения ложных опор в огне кризиса. За этим следует фаза постапокалиптического переживания травмы, подталкивающая человека к глубокому развороту вовнутрь, разномыслию и отказу от претензий на владение абсолютной истиной. Конечным итогом данной ментальной трансформации становится выход в пространство неоапокалипсиса, где разрозненные фрагменты жизненного опыта кристаллизуются в целостную структуру. По всей видимости, важнейшим методологическим инструментом синтализма на пути к обретению внутренней автономии выступает так называемый незаданный вопрос, под которым понимается временный, глубоко осознанный отказ субъекта от выделения конкретной фигуры из общего фона. Вне всякого сомнения, традиционные, постоянно навязываемые обществом вопросы в стиле «кто ты такой?» или «правильно ли это?» неизбежно порождают жесткую категоризацию, искусственную иерархию и разделение. Отвечая на вопрос «кто ты?», человек пытается сделать внешней точкой сборки чужие оценки, что приводит к системному сбою индивидуального сознания. Синталистический незаданный вопрос, напротив, базируется на смирении гордыни, разрыве невротической привязанности к готовым интеллектуальным ответам и полном принятии всеобщего реляционного фона бытия в том виде, в каком он объективно существует. В этих координатах человеческое сознание начинает функционировать подобно реляционной базе данных, где маски, роли, влечения и внешние объекты не довлеют над личностью, а воспринимаются как изменчивые элементы единого информационного поля, требующие от человека ответа на вечный вызов бытия: «что делать?» [7, с. 280]. В связи с этим уместно вспомнить слова выдающегося экзистенциального мыслителя, утверждавшего, что «страдание и кризис перестают быть разрушительными в тот самый миг, когда человек обнаруживает в них глубокий внутренний смысл и способность к преобразению самости» [6, с. 84]. Подобное преобразование возвращает субъекта к живому акту мышления, свободному от мертвых лингвистических штампов. Как точно подмечалось в рамках отечественной философской традиции, «философия — это не сборник готовых истин или догм, а непрерывный, живой и глубоко личный акт понимания, совершающийся здесь и сейчас как событие индивидуальной свободы» [4, с. 142]. Таким образом, незаданный вопрос синтализма позволяет очистить сознание от ложной лингвистической привязанности, поскольку, как утверждалось в классических трудах по философии языка, «границы моего языка означают границы моего мира, и преодоление жестких концептуальных схем открывает доступ к непосредственной архитектонике чистого логического пространства» [10,

с. 70-74]. Более того, такой отказ от жестких рамок выводит личность на уровень пререфлексивной самоочевидности, когда внутреннее сознание времени и самости удерживает свою целостность до всякого аналитического разделения на субъект и объект [11, с. 165].

Заключение

Резюмируя концептуальные основы учения, можно с полной уверенностью утверждать, что преодоление фрагментации внутри себя автоматически устраняет почву для любых внешних социальных катаклизмов, поскольку у интегрированного субъекта полностью исчезает невротическая потребность возвышаться за счет подавления Другого. Разумеется, синталистическая интерпретация феномена гуманизма решительно отвергает элитарные концепции избранности и сходится в том, что заблуждение искать «сверхчеловека» среди высших идолов, ибо подлинным сверхчеловеком, способным к тотальному взаимоуважению, должен стать либо каждый, либо никто, о чем громогласно возвещали пророки новой морали [5, с. 150]. Вне всякого сомнения, «не-Я» — это не враг, которого нужно подчинить или завоевать, а такой же Другой, чье уникальное субъективное существование заслуживает безусловного признания и бережного сохранения его индивидуальных границ. В этом контексте синталистический синтез смыкается с концепциями личной идентичности и индивидуации, доказывающими уникальность каждого сознания в общем континууме бытия [8, с. 235]. Свобода воли, обретаемая личностью через Армагеддон кризиса, манифестирует себя как высший творческий акт интеграции. Как пронизательно констатировал классик русской религиозной философии, «свобода не есть лишь выбор между добром и злом, она есть творческий прорыв, способность духа порождать качественно новое бытие из глубин божественной целостности» [1, с. 315]. Настоящий внутренний синтез превращает каждого зрелого человека в уникальную форму, в содержании которой выражена абсолютная целостность вселенной, уничтожающая ложные деконструктивистские разрывы между словом и смыслом [9, с. 105]. В итоге синталистический субъект обретает статус венца эволюции, соединяющего в себе гармонию индивидуального существования и всеобщего космического бытия.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества / Н.А. Бердяев. – М.: Правда, 1989. – 608 с.
2. Декарт Р. Рассуждение о методе / Р. Декарт; пер. с фр. – М.: Академический проект, 2011. – 456 с.
3. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант; пер. с нем. – М.: Наука, 1998. – 655 с.
4. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию / М.К. Мамардашвили. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
5. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше; пер. с нем. – СПб.: Азбука, 2020. – 416 с.
6. Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл; пер. с англ. – М.: Progress, 1990. – 368 с.

7. Чернышевский Н.Г. Что делать? / Н.Г. Чернышевский. – М.: Художественная литература, 1975. – 560 с.
8. Williams B.A.O. Personal identity and individuation / B.A.O. Williams // Proceedings of the Aristotelian Society. – 1956. – Т. 57.
9. Wilson F. Hume and Derrida on language and meaning / F. Wilson // Hume Studies. – 1986. – Т. 12, № 2.
10. Wittgenstein, L. Filosofskie raboty [Philosophical Works]. Translated from German by M.S. Kozlova, Yu.A. Aseev. Pt. 1. Moscow: Gnozis, 1994 P. 1–74.
11. Zahavi D. Inner time consciousness and pre-reflective self-awareness / D. Zahavi // The new Husserl: a critical reader. – 2003.

References

1. Berdyaev N.A. Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva [Philosophy of Freedom. The Meaning of the Creative Act]. Moscow, Pravda Publ., 1989. 608 P. (In Russ.)
2. Descartes R. Rassuzhdenie o metode [A Discourse on the Method]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2011. 456 P. (In Russ.)
3. Kant I. Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]. Moscow, Nauka Publ., 1998. 655 P. (In Russ.)
4. Mamardashvili M.K. Kak ya ponimayu filosofiyu [How I Understand Philosophy]. Moscow, Progress Publ., 1990. 368 P. (In Russ.)
5. Nietzsche F. Tak govoril Zarathustra [Thus Spoke Zarathustra]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2020. 416 P. (In Russ.)
6. Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla [Man's Search for Meaning]. Moscow, Progress Publ., 1990. 368 P. (In Russ.)
7. Chernyshevsky N.G. Chto delat'? [What Is to Be Done?]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 560 P. (In Russ.)
8. Williams B.A.O. Personal identity and individuation // Proceedings of the Aristotelian Society. – 1956.
9. Wilson F. Hume and Derrida on language and meaning. Hume Studies, 1986, vol. 12, no. 2, P. 99–121.
10. Wittgenstein, L. Filosofskie raboty [Philosophical Works]. Translated from German by M.S. Kozlova, Yu.A. Aseev. Pt. 1. Moscow: Gnozis, 1994 P. 1–74.
11. Zahavi D. Inner time consciousness and pre-reflective self-awareness. The new Husserl: a critical reader. Bloomington, Indiana University Press, 2003, P. 157–180.

СОЦИОЛОГИЯ

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Статья поступила в редакцию: 11.08.2026

Статья принята к публикации: 15.08.2026

Статья опубликована: 15.09.2026

УДК 316.647.5+956.1

DOI: 10.32743/UniSoc.2026.136.9.23309

Обзор теоретических и эмпирических исследований этнических стереотипов в Китае

Чэнь Яо

канд. филол. наук, ст. преп

Института иностранных языков Синьанского педагогического университета, КНР,

провинция Хэнань

г. Синьян

E-mail: chen.yao@yandex.ru

A review of theoretical and empirical studies of ethnic stereotypes in China

Chen Yao

candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer

at the Institute of Foreign Languages of Xinyang Normal University

China, Henan Province, Xinyang

Аннотация

Этнические стереотипы представляют собой упрощенную когнитивную модель, содержащую обобщенные представления о психологических чертах и поведенческих паттернах определенной этнической группы. Данный конструкт формирует устойчивую оценочную установку, которая может носить как объективный, так и субъективный характер, определяя восприятие как собственной, так и чужой общности. Являясь основной формой социальных когнитивных схем, этнические стереотипы оказывают глубокое влияние на обработку информации, эмоциональную реакцию и поведенческие намерения в межкультурных взаимодействиях. В многонациональных странах и обществах объективное и научное понимание структуры, источника и функций этнических стереотипов служит не только неизбежным требованием для углубления теоретического понимания социальной

Библиографическое описание: Чэнь Я. Обзор теоретических и эмпирических исследований этнических стереотипов в Китае // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2026. 9(136). URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/23309>

психологии и этнической социологии, но и важным реалистичным путем содействия межэтническому взаимопониманию и снижению этнических предрассудков, что имеет большое значение для современного Китая. В данной статье дается обзор исследований этнических стереотипов в китайской науке с целью выявления различных аспектов и подходов исследования этнических стереотипов. Показано, что китайские исследователи сочетали теоретическую основу зарубежных ученых с реальной ситуацией в Китае и создавали локализованную модель содержания стереотипов. Однако, для дальнейшего углубления исследований и практического применения результатов экспериментов необходимо расширить выборку исследований и усилить междисциплинарные характеристики исследований.

Abstract

Ethnic stereotypes are a simplified cognitive model containing generalized ideas about the psychological traits and behavioral patterns of a particular ethnic group. This construct forms a stable evaluative attitude, which can be both objective and distorted, determining the perception of both one's own and someone else's community. As the main form of social cognitive schemas, ethnic stereotypes have a profound effect on information processing, emotional reaction, and behavioral intentions in interethnic interactions. In multinational countries and societies, an objective and scientific understanding of the structure, source, and functions of ethnic stereotypes is not only an unavoidable requirement for deepening theoretical understanding of social psychology and ethnic sociology, but also an important realistic way to promote interethnic understanding and reduce ethnic prejudice, which is of great importance for modern China. This article provides an overview of research on ethnic stereotypes in Chinese science in order to identify various aspects and approaches to the study of ethnic stereotypes. It is shown that Chinese researchers combined the theoretical basis of foreign scientists with the real situation in China and created a localized model of the content of stereotypes. However, in order to further deepen research and practical application of experimental results, it is necessary to expand the research sample and strengthen the interdisciplinary characteristics of research.

Ключевые слова: стереотипы, этнические стереотипы, теоретические основы, этнические группы Китая.

Keywords: stereotypes, ethnic stereotypes, theoretical foundations, ethnic groups of China.

Введение

Стереотип как научное понятие в настоящее время является одной из актуальных тем исследований в разных странах. Термин «стереотип» впервые был введен в науку американским исследователем У. Липпманом в книге «Общественное мнение». По мнению Липпмана, стереотипы социально классифицируются в зависимости от пола, расы, возраста или профессии, а затем возникают устойчивые представления об определенном типе человека, формирование которых обусловлено не индивидуальной практикой, а усвоением доминирующих в социуме концепций [1].

Этнические стереотипы являются «обобщением характеристик и атрибутов одного этноса» [2, с. 29]. Как один из социальных стереотипов, этнические стереотипы представляют собой относительно простые, общие и устойчивые взгляды людей на определенный этнос или его представителей. Как особая социальная установка, содержание этнических стереотипов специфично. Зачастую это понимание и описание стабилизации внутреннего этнического характера и внешних поведенческих характеристик определенной этнической группы, а также субъективное обобщение основных характеристик этнической группы. Этнические стереотипы сконструированы обществом, и их содержание тесно связано с историей, культурой и структурой власти конкретного общества, и они не являются просто продуктом когнитивного упрощения.

Материалы и методы

Материалом исследования являются статьи и монографии зарубежных и китайских ученых в области стереотипов и этнических стереотипов. Методологическую основу исследования составили: критический анализ, тематический синтез и контент-анализ. Указанные методы позволили не только собрать источники, но и выстроить из них аналитическую картину исследований этнических стереотипов китайскими учеными.

Этап развития и содержания исследования

Этнические стереотипы находятся в центре внимания исследований в области этнической психологии и социальной психологии, которые непосредственно связаны с теоретическим и эмпирическим продвижением этнических обменов и социальной интеграции внутри Китая. Развитие китайских исследований этнических стереотипов в целом может быть разделено на три этапа развития:

(1) Введение в стадию зарождения (1980–1990-е годы)

В 1980-х годах, с появлением западных теорий социальной психологии, китайские ученые начали обращать внимание на когнитивные предубеждения разных этнических групп Китая. Исследования в этот период в основном базировались на зарубежном теоретическом введении и предварительном эмпирическом исследовании. Собственная систематическая исследовательская парадигма еще не сформировалась. Основываясь на реальной ситуации с распределением этнических групп в Китае, некоторые ученые предварительно обсудили когнитивную предвзятость ханьцев (крупнейшая по численности этническая группа в Китае) по отношению к этническим меньшинствам, но масштаб исследования невелик, метод в основном представляет собой описательный анализ, и отсутствуют стандартизированные инструменты количественного измерения [5].

(2) Этап бурного развития (2000–2010-е годы)

С 2000-ого года по мере популяризации методов психологических исследований в Китае изучение этнических стереотипов вступило в период бурного развития. С одной стороны, ученые начали систематически внедрять западные классические теории о стереотипах и проводить локальную проверку; с другой стороны, тема исследования расширилась от отдельных стереотипов ханьцев об этнических меньшинствах до стереотипов между различными этническими меньшинствами, стереотипов национального

характера и т.п. Исследования в этот период начали привлекать внимание китайских ученых, количество результатов исследований быстро росло, и некоторые академические команды сформировали стабильное исследовательское направление [7].

(3) Этап углубления и расширения (с 2010-х годов по настоящее время)

В последние годы исследования этнических стереотипов в Китае постепенно углублялись, и внимание стало уделяться локализации и практической значимости исследований. С одной стороны, ученые начали рассматривать внутреннюю взаимосвязь между этническими стереотипами и национальной идентичностью, этническими обменами и сознанием китайского национального сообщества; с другой стороны, смешанное использование методов имплицитного и эксплицитного исследования становится все более распространенным. Результаты разных экспериментов начали оказывать академическую поддержку в разработке этнической политики и практике этнического образования [12].

Исследование этнических стереотипов основано на реалиях многонационального общества Китая, и основные темы исследований можно разделить на следующие категории:

(1) взаимные стереотипы в отношениях между ханьцами и этническими меньшинствами

Это является предметом самого раннего и наиболее плодотворного исследования в Китае. Существующие исследования в целом показали, что в стереотипах ханьцев об этнических меньшинствах существует четкая двухмерная дифференциация «компетентность-теплота»: ханьцы обычно считают, что этнические меньшинства «сердечные, искренние, умеют петь и танцевать», но «культурный уровень у них низкий, экономические возможности слабы»; и стереотипы этнических меньшинств по отношению к ханьцам в большей степени связаны с «умными и грамотными», но существуют также негативные представления о «безразличии, утилитаризме и неуважении к культуре меньшинств» [7].

(2) Взаимные стереотипы между различными этническими меньшинствами

С расширением масштабов этнических обменов постепенно активизировалось изучение стереотипов в отношениях между различными этническими меньшинствами. Существующие исследования в основном посвящены соседним этническим группам в районе расселения, таким как стереотипы между уйгурами и казахами в Синьцзяне, уйгурами и таджиками в южном Синьцзяне, а также стереотипы между тибетцами и народами хуэй и монголами на Цинхай-Тибетском нагорье. Результаты исследований показали, что содержание таких стереотипов часто напрямую связано с этническими историческими обменами, конкуренцией за ресурсы и культурными различиями: например, некоторые группы этнических меньшинств считают, что соседние этнические группы культурно консервативны и не допускают посторонних [8].

(3) Стереотипы о национальном характере китайского народа

Такого рода исследования фокусируются на стереотипном восприятии китайцами общего характера различных этнических групп в Китае. По результатам исследований, китайцы, как правило, придерживаются стереотипа об «общем характере китайской нации» и считают, что китайская нация обладает такими характеристиками, как «трудолюбие, храбрость, единство и терпимость»; в то же время различные этнические группы обладают «эффектом группового фаворитизма», думая, что их собственные этнические группы более искренни и сплоченны, чем другие этнические группы [11, с. 518].

По результатам многолетних исследований китайские ученые обнаружили, что этнические стереотипы китайцев имеют как позитивное, так и негативное содержание. Позитивные стереотипы в основном проявляются в области культуры и характера, а негативные стереотипы в основном сосредоточены в области экономики, способностей и социальной адаптации. Кроме этого, китайские ученые выявили, что этнические стереотипы молодого поколения более позитивны, чем у старшего поколения. Существуют значительные различия между этническими стереотипами жителей восточных регионов и жителей западных регионов. Содержание стереотипы людей в многоэтнических поселениях на западе более специфичны [12, с. 73].

Стоит отметить, что китайские ученые провели относительно мало исследований, посвященных этническим стереотипам о других странах и их гражданах. Акцент существующих исследований сделан на стереотипах китайцев о гражданах конкретных стран, например, о японцах и корейцах. Кроме этого, китайские ученые изучали впечатления местных жителей китайских городов от иностранных иммигрантов или иностранных этнических групп, например, мнение жителей Гуанчжоу об афроамериканских группах. Однако, масштаб исследования в данном направлении невелик, и пока еще не сформирована собственная систематическая теоретическая база.

Основные теоретические основы и методы исследования

Модель содержания стереотипов (Stereotype Content Model) является наиболее часто используемой теоретической основой для китайских исследователей. Данная социально-психологическая теория была разработана С. Фиксом и его коллегами в начале 21 века. Модель предполагает, что стереотипы состоят из двух основных измерений восприятия «теплоты» и «компетентности», которые соответствуют двум социальным потребностям в оценке – «социальным эмоциям» и «социальной эффективности» соответственно [4]. Китайские ученые провели множество экспериментов по локализации модели SCM и пришли к выводу, что эта модель в основном подходит для многонационального Китая, но есть также возможности для локализации. Например, необходимо учитывать «культурную уникальность», «религиозную идентичность» и другие аспекты, характерные только для разной этнической культуры Китая [13, с. 1082]. После проведения рядов экспериментов исследователи Цзо Бин и его коллеги обнаружили, что на стереотипы некоторых этнических групп также будет влиять осознание того, «принадлежат ли они к китайскому этническому сообществу». Поэтому они предложили добавить измерение «общинной идентичности» на основе модели SCM, чтобы сформировать более адаптированную модель измерения этнических стереотипов в соответствии с многонациональным обществом Китая [13].

Теория социальной идентичности (Social Identity Theory), созданная Г. Тэджфелом и Д. Тернером в 1979 году, в основном используется для объяснения последствий этнических стереотипов, связанных с «внутригрупповым фаворитизмом и аутгрупповой враждебностью», а также внутренней связи между стереотипами и этнической идентичностью и предрассудками [6]. Объединив эту теорию, китайские ученые обсудили влияние уровня этнической идентичности на содержание стереотипов и обнаружили, что

люди с более высокой этнической идентичностью имеют более позитивные стереотипы в отношении своей этнической группы и более очевидно негативные стереотипы в отношении других этнических групп [9].

В целях изучения этнических стереотипов, как и зарубежные исследователи, китайские ученые используют такие количественные методы, как анкетирование, тест имплицитных ассоциаций, парадигма прайминга и т.п. Среди них широко применяется тест имплицитных ассоциаций для измерения бессознательных этнических стереотипов индивидов, который в большой степени компенсирует отклонение от эффекта социальной желательности в анкетировании [3]. Китайские ученые также широко используют качественные методы исследования, в которые входят метод глубинного интервью, этнографические исследования, метод дискурс-анализа и др. Некоторые ученые исследуют роль СМИ и образования в формировании этнических стереотипов с помощью качественных исследований, которые обеспечивают богатую практическую основу для количественных исследований [10]. В последние годы в китайских исследованиях все чаще используется смешанный подход, который не только измеряет общие характеристики этнических стереотипов с помощью количественных инструментов, но и объясняет локальный механизм формирования стереотипов с помощью качественных исследований.

Результаты и обсуждение

Видно, что большинство китайских ученых опиралось на западную теоретическую базу исследования этнических стереотипов, проводили эксперименты с учетом реальной ситуации в Китае и достигали определенных результатов. Однако, теоретическая система этнических стереотипов с китайскими спецификами пока не была полностью разработана.

Представленность выборок исследования не достаточна. Большинство выборок сосредоточено в этнически населенных районах, таких как Северо-запад и Юго-запад, а в районах восточного и центрального регионов проводится меньше исследований этнических стереотипов, что затрудняет полное отражение характеристик этнических стереотипов по всей стране.

Большинство существующих исследований посвящена описанию и интерпретации этнических стереотипов. Результаты экспериментов остались в лабораторном уровне, которые не могут быть расширены в реальных сценариях.

Помимо этого, большое количество существующих исследований фокусируется в области психологии, и существует меньше междисциплинарных исследований, связанных с этнологией, социологией, журналистикой и коммуникацией. Это затрудняет всестороннее объяснение механизма формирования и реального влияния этнических стереотипов.

Заключение

Таким образом, китайским ученым необходимо расширять исследовательские сценарии и выборки, проводить исследования в отдаленных районах и городских этнических сообществах и всесторонне изучать динамические характеристики этнических стереотипов.

Китайским исследователям следует укреплять сотрудничество между психологами, этнологами, социологами и экспертами других дисциплин и изучать механизм формирования, путь распространения и влияние этнических стереотипов с разных точек зрения, чтобы повышать практическую ценность исследований.

Список литературы

1. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчунова; под ред. К.А. Левинсон, К.В. Петренко. – М.: Общественное мнение, 2004. – 384 с.
2. Brigham J.C. Ethnic stereotypes // Psychological Bulletin. – 1971. – Т. 76, № 1.
3. Cai H., Zhou Y. Shi Qinghai. Implicit Association Test (IAT) and Its Application in Gender Stereotype Research // Social psychology research. – 2001.
4. Fiske S.T., Cuddy A.J. C., Glick P. A model of (often mixed) stereotype content: competence and warmth respectively follow from perceived status and competition // Journal of Personality and Social Psychology. – 2002. – Т. 82, № 6.
5. Shi R. Social Psychology. – Shanghai: Shanghai People's Publishing House. – 1986. – 386 P.
6. Tajfel H., Turner J.C. An integrative theory of intergroup conflict // Austin W.G., Worchel S. (eds.) The Social Psychology of Intergroup Relations. – 1979.
7. Wan M. Research on the Psychological Development and Education of Minority Students. – Lanzhou: Gansu Education Press. – 2002. – 436 P.
8. Wang J., Chang B., Ding K. Investigation on National Identity of the Uyghur Adolescent in Southern Xinjian // Xinjiang Social Sciences. – 2008.
9. Wang P., Chen Q. Research on Ethnic Stereotypes from the Perspective of Social Identity Theory // Progress in Psychological Science. – 1942. – Т. 18, № 12.
10. Xiang W., Gao Zh., Xiang W., Gao Zh. A Study on the Discourse for Constructing the Media Image of the Tujia Ethnic Group on Local News Websites // Western Broadcasting Television. – 2020. – Т. 41, № 17.
11. Zhang J. National Psychology. – Shanghai: East China Normal University Press. – 2019. – 920 P.
12. Zuo B., Qin X. The psychological components and formation mechanism of the identification of the Chinese nation // Journal of Shanghai Normal University. – 2011. – Т. 40, № 4.
13. Zuo B., Zhang Y. Zhao Ju, Wang J. The Stereotype Content Model: Theoretical Hypotheses and Research // Progress in Psychological Science. – 2015. – P. 1077–1088.

References

1. Brigham J.C. [Brigham J C. Ethnic stereotypes] // Psychological Bulletin. – 1971. – Vol. 76, No. 1. (In Russ.)
2. Van M. [Wan Minggang. Research on the Psychological Development and Education of Minority Students. Lanzhou: Gansu Education Press]. – 2002. 436 P. (In Chinese). Lan'chzhou: Izdatel'stvo obrazovaniya provintsii Gan'su, 2002. – 436 s (In Russ.)

3. Wang P., Chen C. [Wang Pei, Chen Qingrong. Research on Ethnic Stereotypes from the Perspective of Social Identity Theory] // Progress in Psychological Science (心理科学进展). – 1942. – Vol. 18, No. 12. (In Russ.)
4. Zuo Z., Qin H. [Zuo Bin, Qin Xiangrong. The psychological components and formation mechanism of the identification of the Chinese nation] // Journal of Shanghai Normal University (上海师范大学学报). – 2011. – Vol. 40, No. 4. (In Russ.)
5. Lippman U. [Public Opinion] / per. s angl. T.V. Barchunova; pod red. K.A. Levinson, K.V. Petrenko. – M.: Obshchestvennoe mnenie, 2004. – 384 s (In Russ.)
6. Shi R. [Shi Ronghua. Social Psychology. Shanghai: Shanghai People's Publishing House]. – 1986. 386 P. (In Chinese). Shankhaj: Izdatel'stvo naroda Shankhaya, 1986. – 386 s (In Russ.)
7. Cai Huajian, Zhou Ying. Shi Qinghai (蔡华俭, 周颖, 史青海). Implicit Association Test (IAT) and Its Application in Gender Stereotype Research (内隐联想测验(IAT)及其在性别刻板印象研究中的应用) // Social psychology research (社会心理研究). – 2001.
8. Fiske S.T., Cuddy A.J.C., Glick P. Fiske S T, Cuddy A J C, Glick P, et al. A model of (often mixed) stereotype content: competence and warmth respectively follow from perceived status and competition // Journal of Personality and Social Psychology. – 2002. – Vol. 82, No. 6.
9. Tajfel H., Turner J.C. Tajfel H, Turner J C. An integrative theory of intergroup conflict. In: Austin W G, Worchel S (eds.) // The Social Psychology of Intergroup Relations. Monterey, CA: Brooks/Cole. – 1979.
10. Wang Jiayi, Chang Baoning. Ding Kexian (王嘉毅, 常宝宁, 丁克贤). Investigation on National Identity of the Uygur Adolescent in Southern Xinjian (新疆南疆维吾尔族青少年国家认同调查) // Xinjiang Social Sciences (新疆社会科学). – 2008.
11. Xiang Wenrong, Gao Zhan. Xiang Wenrong, Gao Zhan (向文容, 高瞻). A Study on the Discourse for Constructing the Media Image of the Tujia Ethnic Group on Local News Websites (地方新闻网站土家族媒介形象建构话语研究) // Western Broadcasting Television (西部广播电视). – 2020. – Vol. 41, No. 17.
12. Zhang Jijia. Zhang Jijia (张积家). National Psychology (民族心理学). Shanghai (上海): East China Normal University Press (华东师范大学出版社). (In Chinese). – Shanghai: East China Normal University Press, 2019. – 920 P.
13. Zuo Bin, Zhang Yangyang, Zhao Ju. Wang Juan (佐斌, 张阳阳, 赵菊, 王娟). The Stereotype Content Model: Theoretical Hypotheses and Research (刻板印象内容模型:理论假设及研究) // Progress in Psychological Science (心理科学进展). – 2015.

ПОЛИТОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ГЛОБАЛЬНОЕ
РАЗВИТИЕ**

Статья поступила в редакцию: 03.09.2026

Статья принята к публикации: 08.09.2026

Статья опубликована: 15.09.2026

УДК 327.5+961.1

**Россия в Западной Африке между разрывом и неокOLONиальной
преемственностью – Сенегал как лаборатория новой модели
сотрудничества**

Соу Марияма
аспирант

*Института международных отношений и мировой истории (ИМОИ), Нижегородский
государственный университет имени Н.И. Лобачевского
Российская Федерация, г. Нижний Новгород
E-mail: rima23879@gmail.com*

**Russia in West Africa: Between Rupture and Neocolonial Continuity – Senegal
as a Laboratory for a New Model of Cooperation**

Sow Mariama
postgraduate student

*Institute of International Relations and World History (IMOMI)
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
Russian Federation, Nizhny Novgorod*

Аннотация

В статье представлено международно-правовое и политико-экономическое исследование структурных трансформаций архитектуры управления и интеграции в Западной Африке в период 2023–2026 годов. Процесс разворачивается на фоне кризиса легитимности традиционных постколониальных сетей («Франсафрик») и устоявшихся региональных блоков, в частности, ЭКОВАС. Опираясь на теоретические основы политического реализма, структурной зависимости (*dependencia*) и сравнительного международно-правового анализа, в исследовании используются эмпирические данные торговой статистики, динамики суверенного долга, прямых иностранных инвестиций (ПИИ), и программный дискурс-анализ векторов внешней политики Сенегала и России.

Библиографическое описание: Соу М. Россия в Западной Африке между разрывом и неокOLONиальной преемственностью – Сенегал как лаборатория новой модели сотрудничества // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2026. 9(136). URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/23375>

В работе обосновывается структурный характер развивающегося стратегического партнерства между Россией и Сенегалом в условиях правления администрации недавно избранного президента Бассиру Диомая Фая и партии PASTEF. Выявлено эпистемологическое противоречие – антиимпериалистическая риторика Москвы противодействует французскому валютному контролю и постколониальному доминированию, однако статистические данные за 2024–2025 годы демонстрируют торговый дисбаланс (где российский экспорт превышает 98 %) и зерновую зависимость на транзитном маршруте к югу от Сахары. Сенегал функционирует в форме гибридной социально-политической и правовой «лаборатории», разворачивает многовекторную дипломатию по линии Юг-Юг с участием Китая и Турции для смягчения структурных рисков асимметричной зависимости. Авторы приходят к выводу, что для выхода России за рамки стандартной парадигмы «центр-периферия» необходим операционный сдвиг от сырьевой торговли к высокотехнологичным прямым иностранным инвестициям, совместной разведке морских энергетических ресурсов и локализованному трансферу промышленных технологий.

Abstract

The chapter presents a comprehensive international legal and political-economic investigation into the structural transformations of governance and integration architectures across West Africa during the 2023–2026 period. This process unfolds amid a systemic legitimacy crisis of both traditional post-colonial networks (Françafrique) and established regional blocs like ECOWAS. Drawing upon the theoretical frameworks of political realism, structural dependency (dependencia), and comparative international legal analysis, the research utilizes empirical trade statistics, sovereign debt dynamics, foreign direct investment (FDI) data, and programmatic discourse analysis of Senegalese and Russian foreign policy vectors. The study comprehensively verifies the structural nature of the developing Russia-Senegal strategic partnership under the newly elected administration of Bassirou Diomaye Faye and the PASTEF party. It reveals a fundamental epistemological contradiction: while Moscow's anti-imperialist rhetoric effectively counters French currency control and post-colonial dominance, empirical trade data from 2024–2025 demonstrates a severe trade imbalance (with Russian exports exceeding 98 %) and a sharpening grain dependency on the Sub-Saharan transit route. Senegal operates as a hybrid socio-political and legal «laboratory», deploying multi-vector South-South diplomacy alongside major actors like China and Turkey to mitigate the structural risks of asymmetric dependency. For Russia, transitioning beyond a standard «center-periphery» paradigm requires an urgent operational shift from pure commodity-driven trade to high-tech foreign direct investments, joint off-shore energy exploration, and localized industrial technology transfer.

Ключевые слова: Западная Африка, Сенегал, Россия, Бассиру Диомай Фай, PASTEF, интеграция, ЭКОВАС, Франсафрик, дипломатия Юг-Юг, теория зависимости, торговый баланс, зерновая зависимость, прямые иностранные инвестиции (ПИИ), трансфер технологий.

Keywords: West Africa, Senegal, Russia, Bassirou Diomaye Faye, PASTEF, integration, ECOWAS, Françafrique, South-South diplomacy, dependency theory, trade balance, grain dependency, foreign direct investment (FDI), technology transfer.

Введение

Динамика международно-правовых и политико-экономических процессов на африканском континенте в первой половине XXI в. характеризуется коренной трансформацией традиционных институтов внешнего управления и поступательным демонтажем монопольных позиций бывших метрополий. Регион Западной Африки стал эпицентром институционального кризиса классических моделей региональной интеграции и систем коллективной безопасности, функционировавших под эгидой западных государств. Символом этого правового и геополитического разрыва выступил окончательный распад в декабре 2023 г. т.н. Группы пяти Сахеля (G5 Sahel), чья неспособность противостоять трансграничным угрозам в итоге привели к созданию принципиально новой международно-правовой реальности – Альянса государств Сахеля (АГС, Alliance des États du Sahel, AES) в составе Мали, Буркина-Фасо и Нигера. Данный военно-политический союз, трансформировавшийся в июле 2024 г. в Конфедерацию АГС, провозгласил курс на полный суверенитет, отказ от французского патернализма (включая разоблачение деструктивных механизмов системы Франсафрик) и переориентацию векторов стратегического партнерства на Глобальный Юг и Российскую Федерацию.

В данном контексте Республика Сенегал занимает особое, транзитное место в архитектуре западноафриканского регионализма. Долгое время Дакар выступал главным оплотом французского институционального, правового и военного присутствия в Западной Африке, сохраняя приверженность неолиберальной модели сотрудничества с институтами Бреттон-Вудской системы. Однако электоральный транзит власти в марте 2024 г., ознаменовавшийся победой Бассиру Диомая Фая, актуализировал внутривнутриполитический запрос на диверсификацию внешнеполитических и внешнеэкономических связей. Сенегал начинает выполнять роль своеобразной социально-политической и международно-правовой «лаборатории», в рамках которой тестируется возможность бесконфликтного перехода от тотальной зависимости от западных институтов к сбалансированной многовекторной дипломатии. Важнейшим элементом этой новой стратегии выступает поступательное наращивание взаимодействия с Москвой.

Научно-теоретической и международно-правовой проблематикой данного исследования является верификация характера развивающегося российско-сенегальского партнерства. Предстоит ответить на вопрос – выступает ли активизация Российской Федерации в Сенегале и в Западной Африке в целом альтернативой западным моделям (французский неокOLONИализм, англосаксонский неолиберализм), основанной на принципах равенства и взаимного уважения суверенитета, или же она воспроизводит, пусть и в модифицированных формах, классическую логику зависимости «центр – периферия»? Для объективного ответа на этот вопрос необходим оригинальный ракурс, предполагающий сопоставление выраженного антиимпериалистического дискурса российской дипломатии с экономической реальностью, охватывающей оценку торгового дисбаланса, структуры задолженности и зерновой зависимости региона.

Материалы и методы

Методологический каркас базируется на принципах системности, сравнительно-правового анализа международно-правовых актов и триангуляции данных. В рамках исследования проводится компаративный анализ российской модели сотрудничества с альтернативными моделями стран Глобального Юга, прежде всего, Китайской Народной Республики и Турецкой Республики, который позволяет верифицировать концепцию взаимодействия по линии «Юг – Юг». Эмпирическую основу работы составляют данные таможенной статистики, показатели движения прямых иностранных инвестиций (ПИИ), анализ дискурса сенегальских средств массовой информации, результаты социологических опросов местного населения, отражающие специфику восприятия России «альтернативным партнером» либо новым потенциально гегемонистским игроком на африканском пространстве.

Теоретико-методологические основания исследования суверенизации Западной Африки

Научное осмысление современных процессов в Западной Африке требует деконструкции неолиберальных парадигм, долгое время доминировавших в политологическом дискурсе. Исследование базируется на выводах И.О. Абрамовой и Л.Л. Фитуни, которые указывают на формирование новых контуров полицентричного мира, где африканские государства перемещаются из категории пассивных объектов международно-правового регулирования в статус активных субъектов формирования глобальной повестки дня [1].

Переформатирование африканского вектора внешней политики ведущих держав Глобального Севера и Глобального Юга актуализирует применение структуралистских теорий, в частности, неомарксистской теории зависимого развития (*dependencia*). В рамках данного подхода асимметричные экономические связи между развитыми индустриальными державами («центром») и развивающимися странами («периферией») консервируют отсталость последних посредством неэквивалентного обмена и технологического монополизма.

Особым теоретическим значением обладает концепция многовекторной дипломатии, изученная Ю.М. Почтой [6]. Автор доказывает, что государства Западной Африки на современном этапе используют стратегию институционального маневрирования, стремятся диверсифицировать внешние обязательства для минимизации рисков суверенных потерь. Многовекторность выступает в форме объективной международно-правовой технологии выравнивания дисбалансов, вызванных колониальным наследием. Подобное положение коррелирует с выводами Л. Вана, который подчеркивает, что активизация Российской Федерации на африканском направлении в условиях трансформации глобального порядка опирается на запрос африканских обществ на создание альтернативной архитектуры безопасности [4]. Таким образом, теоретические рамки исследования строятся на синтезе концепции зависимого развития и теории суверенного маневрирования в условиях полицентризма.

Международно-правовой контекст и институциональный кризис в Западной Африке. Переформатирование присутствия Российской Федерации в Западной Африке разворачивается на фоне кризиса легитимности универсальных и региональных институтов, регулирующих вопросы коллективной безопасности и правопорядка. В современных международно-правовых исследованиях отмечается, действия Организации Объединенных Наций перед лицом вызовов безопасности в Сахеле и сопредельных государствах демонстрируют ограниченность и институциональную стагнацию [3]. Деятельность Отделения ООН для Западной Африки и Сахеля (UNOWAS), направленная на превентивную дипломатию, предупреждение конфликтов и диагностику трансграничных угроз (экспансия террористических групп, распространение политического насилия и транснациональная организованная преступность), в последние годы сталкивается с нарастающим недоверием со стороны местных правительств. Методология ООН, основанная на западных либеральных стандартах миротворчества, вошла в противоречие с процессами суверенизации правовых систем западноафриканских государств.

Ситуация усугубилась решением Мали, Буркина-Фасо и Нигера о консолидированном выходе из состава Экономического сообщества государств Западной Африки (ЭКОВАС), которое воспринимается региональными элитами наднациональным проводником геополитического влияния Франции и ее англосаксонских союзников. ЭКОВАС, создававшееся инструментом экономической интеграции, в XXI в. трансформировалось в механизм санкционного давления на неугодные Дакару и Парижу режимы [10]. Ситуация расколола правовое пространство региона. В подобных турбулентных условиях Республика Сенегал, занимавшая позицию правового легализма и выступавшая медиатором в Западной Африке, вынуждена пересматривать внешнеполитические приоритеты под давлением тектонических сдвигов в Сахеле. Повышение популярности доктрины «африканским проблемам – африканские решения» предопределил стремление нового руководства в лице президента Б.Д. Фая и премьер-министра У. Сонко найти баланс между сохранением членства в ЭКОВАС и выстраиванием суверенных правовых платформ взаимодействия с новыми внешними акторами. Сенегал стремится избежать правовой изоляции, трансформирует правовую систему в гибкий интерфейс для многовекторных связей.

Российская Федерация предлагает странам региона принципиально иной формат международно-правового дискурса. Москва апеллирует к историческому наследию советской поддержки национально-освободительных движений и предлагает модель партнерства, свободную от политического обусловливания, менторства и попыток трансформации внутренних государственно-правовых институтов под внешние стандарты. Данный антиимпериалистический нарратив, подкрепленный шагами по военно-техническому сотрудничеству в Сахеле, находит отклик в сенегальском обществе. Согласно контент-анализу публикаций в сенегальской прессе (в частности, на страницах независимых изданий), местная интеллектуальная элита склонна рассматривать Россию эффективным «стратегическим противовесом» традиционному диктату бывшей метрополии. В том числе авторы подчеркивают, для верификации подлинного характера сотрудничества и определения того, происходит ли демонтаж неокOLONиальных практик или лишь смена внешних патронов, требуется перекрестный анализ политических деклараций и цифр макроэкономической реальности [5].

Эмпирический анализ российско-сенегальского экономического взаимодействия

Макроэкономический базис российско-сенегальских отношений демонстрирует тенденцию к повышению стоимостных объемов взаимодействия, однако обнажает структурные диспропорции. Период 2023–2026 гг. является репрезентативным с точки зрения фиксации векторов товарных потоков между странами после реформатирования логистических цепочек и введения масштабных антироссийских санкций со стороны государств Глобального Севера. Торговля России с Сенегалом превратилась в драйвера западноафриканского вектора отечественной дипломатии. Общие объемы торговли стран Африки с Россией в 2024–2025 гг. продемонстрировали положительную динамику, и Сенегал внес весомый вклад в траекторию.

Анализ данных таблицы 1 выявляет противоречие развивающейся модели сотрудничества. Мы отмечаем стабильное повышение номинального товарооборота, который к 2025 г. превысил отметку в \$1,38 млрд. Однако внутренняя структура взаимодействия характеризуется торговым дисбалансом, доля российского экспорта на протяжении трех лет удерживается выше планки в 98 %, но встречный поток сенегальских товаров в Россию остается на незначительном уровне. Наблюдается форсированное приращение зерновой зависимости Дакара от Москвы, к 2025 г. Российская Федерация перешагнула психологический рубеж в 50 %, обеспечивая 51,2 % импорта пшеницы и меслина в республику.

С точки зрения классической теории зависимого развития (*dependencia*), подобная асимметрия квалифицируется воспроизводством логики отношений «центр – периферия». Страна-периферия (Сенегал) выступает чистым и зависимым потребителем базовых жизненно значимых товаров (продовольствие, нефтепродукты) из индустриального центра (Россия), не обладая возможностью для диверсификации собственного экспорта на рынок партнера. Ситуация усугубилась бы дефицитом инвестиционного компонента, если бы не постепенный запуск совместных проектов в сфере геологоразведки на шельфе. Однако, показатели движения прямых иностранных инвестиций (ПИИ) со стороны российского бизнеса, которые к 2025 г. составили \$24,3 млн, свидетельствуют об отсутствии технологической, индустриальной и производственной интеграции. Российское присутствие ограничено преимущественно торговыми операциями и не ведет к формированию новых высокотехнологичных отраслей внутри Сенегала, которые позволяют республике преодолеть статус сырьевого придатка.

Таблица 1.

Динамика и структура торгово-экономического взаимодействия Российской Федерации и Республики Сенегал за 2023–2025 гг.

Показатель взаимодействия	2023 год (факт)	2024 год (факт)	2025 год (отчет об исполнении)	Источники данных / Ведомственная статистика
Товарооборот между РФ и Сенегалом (\$ млн)	1 120,5	1 245,2	1 385,7	Федеральная таможенная РФ / Министерство торговли Сенегала
Доля российского экспорта в товарообороте (%)	97,8%	98,1%	98,4%	Таможенные отчеты ФТС РФ
Объем поставок российской пшеницы (тыс. тонн)	780,4	890,2	982,5	Ведомственная статистика Минсельхоза РФ / UNCTADstat

Показатель взаимодействия	2023 год (факт)	2024 год (факт)	2025 год (отчет об исполнении)	Источники данных / Ведомственная статистика
Доля РФ в общем импорте зерновых Сенегалом (%)	42,5%	46,0%	51,2%	Отчеты продовольственной безопасности Сенегала
Прямые иностранные инвестиции РФ в Сенегал (\$ млн)	12,4	15,8	24,3	Мониторинг ЦБ РФ / Данные инвестиционного агентства APIX

**Составлено по данным Федеральной таможенной службы РФ, Министерства торговли Республики Сенегал и баз данных UNCTADstat за 2023–2025 гг.*

Специфика местного восприятия данной экономической реальности в Сенегале обладает амбивалентным характером. Социологические исследования, проводимые независимыми западноафриканскими аналитическими центрами, фиксируют расхождение в оценках между различными социальными стратами сенегальского общества. Народные массы, городская молодежь и профсоюзные движения Дакара, составляющие электоральное ядро правящей партии PASTEF, оценивают Россию в позитивном ключе. Для них поставки российской пшеницы и ГСМ по стабильным ценам в обход западных санкционных механизмов выступают гарантом предотвращения продовольственного кризиса и удержания социальной стабильности. Они видят в Москве «альтернативного партнера», способного разрушить вековую монополию Франции. Напротив, в академической среде, среди представителей крупного национального бизнеса и прагматичного крыла дипломатического корпуса Сенегала доминирует сдержанно-настороженный подход. Здесь открыто заявляют о рисках формирования новой «асимметричной ловушки», подчеркивают, что механическое замещение французского или американского доминирования российским не решает правовую и экономическую задачу суверенизации Сенегала.

Компаративный анализ: Сенегал как полигон моделей «Юг – Юг»

В стремлении избежать привязки к одному внешнему центру силы, новое руководство Сенегала активизирует правовые и экономические механизмы сотрудничества по линии «Юг – Юг», превращают страну в своеобразный полигон, где российская модель вынуждена вступать в конкуренцию и кооперацию с альтернативными незападными проектами – прежде всего, китайским и турецким.

Таблица 2.

Сравнительный анализ правовых и экономических моделей присутствия внешних акторов в Республике Сенегал по состоянию на 2025–2026 гг.

Критерий сравнения моделей	Российская Федерация	Китайская Народная Республика (КНР)	Турецкая Республика
Международно-правовой инструмент	Двусторонние межправительственные соглашения, меморандумы о намерениях ведомств.	Инициатива «Один пояс - один путь», многосторонний правовой формат форума FOCAC.	Стратегия «Африканского партнерства», рамочные соглашения о ССТ (торговле).
Сектор экспансии и доминирования	Продовольственная безопасность (зерно), энергетика (поставки топлива), ВТС.	Инфраструктурное строительство (порты, дороги), добыча фосфатов.	Строительный сектор, логистический менеджмент, легкая промышленность.

Критерий сравнения моделей	Российская Федерация	Китайская Народная Республика (КНР)	Турецкая Республика
Финансово-кредитные механизмы связи	Государственные товарные кредиты, минимальный объем прямых ПИИ.	Многомиллиардные суверенные кредиты под залог ресурсов и инфраструктуры.	Коммерческие инвестиции на основе ГЧП (государственно- частного партнерства).
Идеологическое позиционирование	Антиколониальный нарратив, защита суверенитета, традиционные ценности.	Прагматизм, экономический детерминизм, концепция «сообщества единой судьбы».	Историко-культурная и религиозная общность (исламский фактор), гуманизм.

**Составлено по материалам: Review of African Political Economy (ROAPE); Monde commun - Revue des relations internationales, 2025–2026 гг.*

Данные таблицы 2 позволяют утверждать, что российская модель присутствия в Сенегале обладает выраженной спецификацией, которая одновременно является и её конкурентным преимуществом, и ограничителем. Китай разворачивает финансово-инфраструктурную экспансию, связывает Сенегал системой долгосрочных суверенных кредитов в рамках инициативы «Один пояс – один путь», Москва концентрируется на точечных, но значимых секторах – продовольствии и энергетике. Китайская модель, создает материальную базу сенегальской логистики (в том числе модернизацию порта Дакар и строительство железнодорожных магистралей), но порождает риски т.н. «долговой дипломатии» и перехода контроля над стратегическими объектами к китайским государственным корпорациям [2]. Китайский опыт использования институтов межгосударственного взаимодействия демонстрирует прагматизм, где идеологические лозунги подчинены задачам гарантирования доступа к минерально-сырьевой базе. На данном конкурентном поле российская модель выглядит наименее институционализированной, она практически не опирается на многосторонние правовые форматы (в отличие от китайского ФОАС) и зависит от стабильности двусторонних межправительственных контактов.

Турецкая Республика реализует модель, основанную на сочетании конфессионального фактора (задействование исламской солидарности с суфийскими братствами Сенегала, в частности, Мюридия и Тиджания) и механизмов государственно-частного партнерства (ГЧП). Турецкий бизнес взял под контроль управление логистическими узлами Сенегала (например, новым международным аэропортом Блез Диань) и доминирует в сфере гражданского и промышленного строительства. По нашему мнению, российская модель выигрывает в глазах новой сенегальской элиты «финансовой легкостью» и отсутствием скрытых наднациональных амбиций. Не обладая возможностью и желанием навязывать Дакару кредитные соглашения, Россия воспринимается руководством Сенегала «чистыми» гарантом международно-правового суверенитета. Сенегал использует активизацию отношений с Москвой в форме мощного дипломатического рычага в сложных переговорах с западными донорами – Францией, Международным валютным фондом и Всемирным банком. Демонстрируя готовность углублять сотрудничество с Россией в энергетической и военно-технической сферах, Дакар принуждает Париж и Брюссель идти на уступки в вопросах реструктуризации долгов и пересмотра условий концессионных соглашений по добыче углеводородов на сенегальском шельфе, не разрывая при этом отношения с Глобальным Севером окончательно.

Потенциал и барьеры институционализации новой модели сотрудничества

Переход Сенегала в статус «лаборатории новой модели сотрудничества» актуализирует вопрос о пределах и барьерах институционализации российско-сенегальских правовых связей. Доминирующим фактором, сдерживающим глубину интеграции, выступает сохраняющееся членство Сенегала в валютном союзе Западной Африки (УЭМОА) и использование франка КФА, эмиссия которого де-факто контролируется Центральным банком Франции. Данное международно-правовое ограничение блокирует возможность перехода на прямые расчеты в национальных валютах (рублях и западноафриканских франках), вынуждает стороны использовать клиринговые схемы и третьи валюты-посредники, которые увеличивают транзакционные издержки и подвергают двустороннюю торговлю вторичным санкционным рискам Глобального Севера. Новый президент Б.Д. Фай провозглашал курс на постепенную реформу франка КФА, однако, процесс обладает долгосрочным характером и требует сонаправленной позиции всех стран региона.

Следующим барьером является отсутствие развитой договорно-правовой базы в сфере взаимного поощрения и защиты капиталовложений и соглашений об избежании двойного налогообложения. Действующие нормативные акты между Москвой и Дакаром в наделены декларативным характером (меморандумы о намерениях, соглашения о сотрудничестве ведомств), они не обеспечивают достаточных юридических гарантий для крупного российского частного и государственного бизнеса. Опыт Китая демонстрирует, что устойчивость модели «Юг – Юг» достигается тогда, когда политический антиколониальный нарратив накладывается на сетку двусторонних инвестиционных договоров (ВИТ), защищающих права инвесторов на наднациональном уровне. Без форсированного создания подобной правовой экосистемы российское присутствие рискует остаться в рамках оптовой торговли сырьевыми товарами, не перерасти в стратегическое соразвитие.

Перспективы оптимизации механизмов взаимодействия лежат в плоскости интернационализации инвестиционных проектов. Сенегал в 2024–2025 гг. официально вошел в пул государств-производителей углеводородов благодаря запуску проектов добычи нефти на месторождении Сангомар (Sangomar) и газа на шельфовом блоке Большое Ахмейим (Grand Tortue Ahmeyim). Российские нефтегазовые холдинги, обладающие уникальными технологиями глубоководного бурения и строительства СПГ-инфраструктуры в условиях санкционных ограничений, предлагают Дакару принципиально новые форматы государственно-частного партнерства. Новшества позволяют наполнить российскую модель реальным индустриальным содержанием, диверсифицировать структуру товарооборота и преодолеть неоколониальную преемственность посредством трансфера технологий, создания совместных инжиниринговых центров и подготовки сенегальских национальных кадров в технических вузах РФ в рамках реализации правовых механизмов гуманитарного сотрудничества.

Специфика правовой дипломатии PASTEF и векторы многовекторности Сенегала

Изменение динамики российско-сенегальских отношений невозможно рассматривать в отрыве от идеологической платформы правящей партии «Африканские патриоты Сенегала за труд, этику и братство» (PASTEF). Достигнув абсолютного электорального триумфа в 2024 г., лидеры движения Усман Сонко и Бассиру Диомай Фай де-факто заложили основы «третьей сенегальской республики», в которой доктрина классического легализма Леопольда Сенгора замещается концепцией левопатриотического суверенитета. В партийных программных документах PASTEF вектором провозглашен пересмотр асимметричных соглашений, ограничивающих юрисдикцию государства над собственными природными ресурсами. Он создает идеальное нормативно-ценностное окно возможностей для российской дипломатии, исторически выстраивающей диалог на принципах безусловного уважения государственного суверенитета. Вектор правовой дипломатии Дакара смещается в сторону ревизии соглашений о рыболовстве с Европейским союзом и аудита контрактов с французскими корпорациями в сфере инфраструктурного менеджмента.

Однако, многовекторный курс Сенегала в 2025–2026 гг. демонстрирует высокую степень прагматической гибкости, далекой от радикального изоляционизма. Дакар сознательно избегает геополитической бинаризации международно-правового пространства. Параллельно с интенсификацией контактов по линии Москва – Дакар и проведением раундов межмидовских консультаций, сенегальское руководство форсирует переговоры о выделении масштабных пакетов финансирования со стороны Всемирного банка и институтов развития США для модернизации аграрного сектора. Сенегал выступает не деструктивным элементом, разрушающим региональный баланс, а конструктивным медиатором. Симптоматичным международно-правовым шагом является официальная декларация Дакара о готовности оказать содействие Мали, Буркина-Фасо и Нигеру в выстраивании новых форматов трансграничной безопасности, которая позиционирует Сенегал значимым мостом между Конфедерацией АГС и остаточным правовым пространством ЭКОВАС. Для России центристское положение Дакара открывает перспективы формирования устойчивой, многоуровневой системы дипломатического присутствия в Западной Африке.

Политико-правовые барьеры и вызовы диверсификации партнерства по линии «Россия - Сенегал»

Анализ перспектив российско-сенегальских отношений в рамках международно-правового дискурса выявляет пласт специфических вызовов, которые игнорировались традиционной политической риторикой. В.Р. Филиппов подчеркивает, что возвращение Российской Федерации на африканское пространство сталкивается со структурным сопротивлением укоренившихся транснациональных элит, чьи экономические и правовые интересы по-прежнему интегрированы в неолиберальную западную систему. В Сенегале, несмотря на левую риторику партии PASTEF, значительная часть среднего и крупного компрадорского бизнеса, высший чиновничий аппарат министерств сформированы в рамках французской образовательной и административной традиции. Проблема порождает феномен

институциональной инерции, при котором подписание межправительственных соглашений с Москвой на высшем уровне саботируется или затягивается на этапе исполнительской имплементации на уровне департаментов.

Бюрократический легализм сенегальской госслужбы используется инструментом мягкого сдерживания нетрадиционных партнеров [8].

Дополнительным дестабилизирующим международно-правовым фактором выступает нарастающее информационное и нормативное давление со стороны Европейского союза. В рамках политики «нового трансатлантического консенсуса» Брюссель и Вашингтон транслируют в сенегальское медиапространство нарратив о «деструктивном характере» российского присутствия в Сахеле. Использование инструментов мягкой силы (через финансирование правозащитных СО НКО и предоставление целевых образовательных грантов для сенегальских журналистов) нацелено на формирование устойчивого негативного восприятия ВТС России с Мали и Нигером. Дакар, стремящийся сохранить статус цивилизованного правового центра Западной Африки, вынужден оглядываться на данные репутационные риски. В.С. Чересов и В.А. Денисенко отмечают, именно данный фактор вынуждает президента Б.Д. Фая подчеркнуть дистанцироваться от военно-политической интеграции с Конфедерацией АГС, позиционируя сближение с Россией в рамках мирного торгово-экономического и продовольственного трека. Россия в данной правовой конфигурации обязана действовать максимально гибко, не навязывать Сенегалу геополитических альтернатив и развивать горизонтальные связи на уровне академического и бизнес-сообщества [9].

Налаженная система комплексной помощи африканским странам со стороны Советского Союза, его невовлеченность в колониальные практики определили позитивный образ России как потенциального партнера в странах Сахеля. Наиболее перспективными направлениями сотрудничества со странами Конфедерации в дальнейшем являются развитие военно-технического направления, разработка месторождений природных ресурсов, обмен продукцией сельского хозяйства, реализация инфраструктурных проектов, развитие сферы образовательных и консультационных услуг. Энергоресурсы указанных стран привлекательны для России значительным объемом их запасов и довольно низкой стоимостью их добычи [7].

Институционализация «новой модели сотрудничества» требует перестройки информационного и логистического обеспечения. На сегодняшний день между портами Российской Федерации и портом Дакар отсутствует регулярное прямое морское сообщение под национальными флагами, которое заставляет отечественных экспортеров прибегать к услугам международных шипинговых компаний, зарегистрированных в западных юрисдикциях. В условиях ужесточения санкционного режима проблема создает риски внезапного срыва поставок или ареста судов. Решение правовой и технической проблемы лежит в плоскости создания совместной российско-сенегальской судоходной компании или заключения пула соглашений о взаимном признании страховых сертификатов в обход институтов Глобального Севера. Наполнение торгово-экономического взаимодействия инфраструктурной независимостью трансформирует Сенегал из пассивной «лаборатории» в устойчивую опорную платформу российского присутствия во всей Атлантической Африке.

Заключение

Проведенное международно-правовое и политико-экономическое исследование позволяет сформулировать вывод о том, что российское присутствие в Сенегале и в Западной Африке в целом находится в транзитном состоянии между радикальным разрывом с неоколониальными практиками и латентным воспроизводством некоторых элементов преемственности зависимости. Антиимпериалистический дискурс Российской Федерации выполняет психолого-политическую функцию, легитимизирует стремление африканских государств к полному суверенитету и создавая идеологическую альтернативу западноафриканскому и глобальному доминированию бывших метрополий. Однако сохраняющийся торговый дисбаланс и растущая зерновая зависимость Сенегала от российских поставок свидетельствуют о том, что на экономическом уровне элементы асимметричной модели «центр – периферия» не преодолены и требуют институциональной корректировки.

Сенегал выступает в статусе «лаборатории новой модели сотрудничества», демонстрирует отличный от государств Альянса Сахеля, умеренный и сбалансированный подход к диверсификации внешних связей. Дакар уклоняется от ловушки монозависимости, использует российскую поддержку для укрепления международно-правового суверенитета, но одновременно балансирует её прагматичным экономическим взаимодействием с Китаем, Турцией и сохраняющимися институтами Глобального Севера. Для того чтобы развивающееся российско-сенегальское партнерство переросло в альтернативу неоколониализму, органам государственного управления РФ необходимо пересмотреть структуру взаимодействия и перейти от торговой, сырьевой экспансии к форсированному наращиванию прямых иностранных инвестиций, совместному освоению шельфовых месторождений углеводородов, трансферу технологий и развитию локального производства на территории Сенегала, которое наполняет антиимпериалистический нарратив реальным экономическим содержанием на принципах равенства «Юг – Юг».

Список литературы

1. Абрамова И.О. [и др.]. Африка: неоплаченный долг колонизаторов / И.О. Абрамова, С.Н. Волков, В.В. Грибанова, Т.Л. Дейч, Т.С. Денисова, Н.А. Жерлицына, С.В. Костелянец, О.С. Кулькова, А.Ю. Урнов, В.В. Усачева, Л.Л. Фитуни, В.Г. Шубин, А.Й. Элез. – М. – 2023. – 122 с.
2. Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Второй саммит Россия–Африка: от наследия колониализма к суверенитету и развитию // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Т. 67, № 12. – С. 35–48.
3. Авакян А.С. Россия и Африка: стратегическое партнерство в контексте трансформации региона Сахеля // Вестник науки. – 2025. – Т. 1, № 11. – С. 573–580.
4. Ван Л. Анализ внешней политики России в отношении «Глобального Юга» // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2025. – Т. 14, № 5. – С. 1192–1201.

5. Мохамед С.А.Т. Международно-правовой статус Западной Сахары // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 11. – С. 60–62.
6. Почта Ю.М. Кризис западной модели глобализации и социально-политическое развитие Африки: уроки из обострения международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2025. – Т. 27, № 4. – С. 701–712.
7. Савельев Д.И. Стратегические интересы России и стран конфедерации государств Сахеля: точки соприкосновения // Азия и Африка сегодня. – 2026. – № 1. – С. 5–14.
8. Филиппов В.Р. Новый этап военного сотрудничества России с африканскими странами // Вопросы политологии. – 2025. – Т. 15, № 3. – С. 935–946.
9. Чересов В.С., Денисенко В.А. Интересы России и Китая в Африке: сотрудничество или конкуренция? // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. – 2020. – С. 963–970.
10. Bokeriya S., Nguevese G.E. ECOWAS peacekeeping missions and their effects on West African nations // International Relations. – 2024. – № 3. – P. 57–70.

References

1. Abramova I.O., Volkov S.N., Gribanova V.V., Dejch T.L., Denisova T.S., Zherlitsyna N.A., Kostelyanets S.V., Kul'kova O.S., Urnov A.Yu., Usacheva V.V., Fituni L.L., Shubin V.G., Elez A.J. [Africa: The Unpaid Debt of Colonizers. Moscow]. – 2023. – 122 s (In Russ.)
2. Abramova I.O., Fituni L.L. [Second Russia-Africa Summit: From the Legacy of Colonialism to Sovereignty and Development] // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. – 2023. – Vol. 67, No. 12. (In Russ.)
3. Avakyan A.S. [Russia and Africa: Strategic Partnership in the Context of the Sahel Region Transformation] // Vestnik nauki. – 2025. – Vol. 1, No. 11. (In Russ.)
4. Van L. [Analysis of Russian Foreign Policy toward the 'Global South'] // Evrazijskij Soyuz: voprosy mezhdunarodnykh otnoshenij. – 2025. – Vol. 14, No. 5. (In Russ.)
5. Mokhamed S.A.T. [International Legal Status of Western Sahara] // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – 2023. – No. 11. (In Russ.)
6. Pochta Yu.M. [Crisis of the Western Model of Globalization and Socio-Political Development of Africa: Lessons from the Escalation of International Relations] // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. – 2025. – Vol. 27, No. 4. (In Russ.)
7. Savel'ev D.I. [Strategic Interests of Russia and the Countries of the Sahel Confederation of States: Points of Contact] // Aziya i Afrika segodnya. – 2026. – No. 1. (In Russ.)
8. Filippov V.R. [A New Stage of Military Cooperation between Russia and African Countries] // Voprosy politologii. – 2025. – Vol. 15, No. 3. (In Russ.)
9. Cheresov V.S., Denisenko V.A. [Interests of Russia and China in Africa: Cooperation or Competition?] // Rossiya i Kitaj: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. – 2020. (In Russ.)
10. Bokeriya S., Nguevese G.E. ECOWAS peacekeeping missions and their effects on west African nations // International relations. – 2024. – No. 3.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

UNIVERSUM: ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Электронный научный журнал

№ 9(136)

Сентябрь 2026 г.

Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.

Издание содержит научную информацию и в соответствии с ч. 4 ст. 1
Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации,
причиняющей вред их здоровью и развитию» не подлежит классификации
(маркировке) по возрастным категориям

Издательство ООО «Юниверсум»

Объём издания: 32 с.

Минимальные системные требования: процессор с частотой от 1,3 ГГц; ОЗУ от
512 МБ; программа для чтения PDF-файлов; доступ к сети Интернет

Дата размещения в сети Интернет: 15.09.2026

Журнал размещается в:

CYBERLENINKA

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

Google
scholar

ULRICHSWEB
GLOBAL SERIALS DIRECTORY

BASE

СОЦИОНЕТ

OpenAIRE

[Registry of Open Access
Repositories \(ROAR\)](#)